

ПАМЯТИ

ЛЬВА ГИНЗБУРГА

Эта потеря разрывает сердце всем, кто его знал, кто дружил с ним, кто читал его книги, кто прикасался к его неповторимому человеческому обаянию. Какая злодейская несправедливость и какая беспощадность судьбы! Он так любил жизнь — да кто же ее не любит, спросите вы? — но он любил страстно, азартно, увлекаясь людьми, работой, идеями, не замечая возраста и недугов, безоглядно тратил то драгоценнейшее и дающееся человеку однажды, что Толстой называл БЛАГОМ ЖИЗНИ. Смерть настигла его в тот миг волнения, когда писатель, закончив труд, ждет его выхода в свет. Все мы знаем, какое это изнуряющее душу испытание. Он написал книгу прозы, своеобразный роман о жизни, о собственной жизни, обо всем или, во всяком случае, о многом, что наполняло ее, и это, вероятно, самая значительная из его

книг, написанная на вершине возможностей, на взлете таланта. Редакции неторопливы. Это их право. Они не берут в расчет злодейство судьбы. У него было любимое, полужутливое присловье: «Надо еще дожить!» Бывало, спросишь: «Поедем во вторник в книжную лавку?» — «Возможно. Надо еще дожить». Никто не принимал этот черный юмор всерьез. Ведь Лев Гинзбург жил в атмосфере юмора, самиронии, пронизательных насмешек и милых колкостей, которыми он окружал и пленял друзей. И, кстати, в том, как он умел подшутить над собой, выражалась талантливость. Он был артистичен в своих блестящих переводах так же, как и в том, как он необыкновенно рассказывал, как убийственно острил, как метко изображал людей, разыгрывал целые сцены, копируя знакомых, заставляя слушателей хохотать до слез. И все это оборвалось внезапно. Оборвались планы жизни, щедрые творческие замыслы, и когда выйдет роман, некому будет позвонить утром: «Старик, я прочитал! Это здорово». И услышать в ответ молчание счастливого человека. Он недожил года до шестидесяти. Не очень длинная, но и немалая жизнь. На его

долю выпало много счастья, испытаний, войны, невзгод, глубокого раздумья о жизни, о мире он написал много прекрасных стихов, великолепных статей, его имя известно и почитаемо не только у нас, но и в других странах, где переводились «Бездна» и «Потусторонние встречи», но мне хочется в горький час сказать вот о чем: этот маленький, сугубо штатский, порою суетливый, порою неловкий до комического человек обладал истинным мужеством. Это было мужество высокой пробы: мужество каждого дня, терпеливое, упорное. На это мужество не раз натыкались подлецы, полагавшие, что человек такого забавного, веселого нрава не может быть им опасен. Его мужеством была вся его антифашистская деятельность, разоблачение преступников, проникновение в их логово, встречи один на один с такими волками, как Кристман. Но его мужеством было и другое — делать добро многим, помогать, вставать на защиту. Льва Гинзбурга будет недоставать всем: читателям и писателям. И в первую очередь нам, кто его знал и любил. Прощай, друг!

Юрий ТРИФОНОВ

Лев. Гинзбург 1900-1980